
**European
Journal** **of Philosophical
Research**

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7286
2021. 8(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Granin Yurii – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia (Deputy Editor-in-Chief)

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Lebid Andriy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Lyausheva Svetlana – Adyghe State University, Maikop, Russian Federation

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Saulius Tomas – Lietuvos sporto universitetas, Lithuania

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 20.06.21
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal17.com/>
E-mail: aphr.sro@gmail.com
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 311.

© European Journal of Philosophical Research, 2021

European Journal of Philosophical Research

2021

Is. 1

C O N T E N T S

Articles

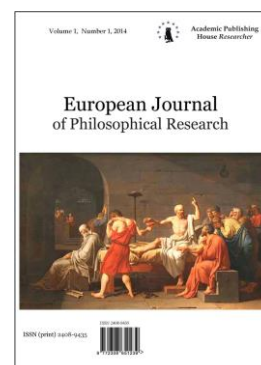
Russia is in the Regional Alliances of the Eurasian States. Civilizational Dimension Yu.D. Granin	3
Philosophical Criticism of the Ideas of Transhumanism N.N. Rostova	14
Modern Dynamics of the Categorical Field of Organizational Psychology E.A. Volodarskaya	22

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2021. 8(1): 3-13

DOI: 10.13187/ejpr.2021.1.3
www.ejournal17.com

Articles

Russia is in the Regional Alliances of the Eurasian States. Civilizational Dimension

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the prospects of possible alliances between Russia and the Eurasian states in the context of the formation of new centers of world dynamics, gradually shifting to Asia. This observed change in the geopolitical and geo-economic configuration of the world encourages Russia to turn to the East. But the results of this reversal from Europe to "Greater Eurasia" are not at all obvious. Possible difficulties are determined by the political, economic and civilizational differences of the countries of the Eurasian continent. According to the author, the prospects for an equal partnership between Russia and India and China are connected with the formation of a new model of modernization on its own civilizational basis. So far, the civilizational model of the development of the Russian Federation is heterogeneous. And this fact is beyond the attention of the ruling and intellectual elites of the country. Currently, the Russian Center for Strategic Research (RCC), supervised by Alexey Kudrin, is proposed to abandon the "comprehensive modernization program" and focus on the formation of new development institutions: the so-called "transitional institutions", designed to ensure the transformation of the "natural state" into the "state of open access" to political and economic resources. This is important, but not enough. In addition to the development of new rules (institutions) of social and public administration, a great deal of cultural and ideological work is needed to update the value and semantic framework of Russia, to fill it with new meanings.

Keywords: institutions, world dynamics, modernization, values, civilization.

Преодолев эпоху биполярного состояния, человечество вступило в период трансформации прежнего международного порядка в направлении формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. Это наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах на положении «младшего партнера»? Да и стоит ли ей, вместе с Китаем, торпедировать сложившуюся ранее тенденцию к однополярной глобализации мира, в пространстве которой они получили не малые экономические выгоды? Ведь многие известные специалисты именно ее считают наилучшей из возможных форм грядущего развития человечества...

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Yu.D. Granin)

Наиболее последовательно и аргументированно последнюю позицию отстаивает В.Л. Иноземцев. Характеризуя США как доминирующую державу современного мира, как своего рода *indispensable nation* (незаменимую нацию), которой противостоят две крупных «ревизионистских» страны – Китай и Россия, он пишет, что «при этом руководству и Китая, и России нужно понимать, что как экономический рост КНР, так и хозяйственное возрождение РФ вызваны исключительно повышательным трендом мировой экономики, который был задан однополярной глобализацией, подталкиваемой Америкой: именно американский спрос и американские инвестиции в 1990-е гг. запустили «китайское экономическое чудо»; именно формирование нового центра индустриального производства в Китае подтолкнуло спрос на ресурсы, а с ним и цены, обеспечившие в следующем десятилетии бум в российской экономике» (Иноземцев, 2019: 9).

Конечно. Можно даже усилить этот тезис, заявив, вслед за премьер-министром Сингапура, что «Азия процветала, потому что период Pax Americana, длящийся с конца Второй мировой войны, обеспечивал благоприятный стратегический контекст» (Ли Сянь Лун, 2020). Но констатация этого обстоятельства не отменяет периодически изменяемой вариативности осуществления человеческой истории. Полюса и центры мирового развития в течение ушедшего тысячелетия менялись неоднократно, постепенно смещаясь из Азии в Европу. После второй мировой они переместились в США. Но кто гарантирует, что к середине XXI века они вновь не окажутся в Азии? Учитывая темпы развития Китая и Индии в последние годы таких гарантий дать нельзя.

Преодолев эпоху биполярного состояния, человечество вступило в период трансформации прежнего международного порядка, основанного на доминирующем влиянии евроатлантической цивилизации, со второй половины XX века задающей правила «большой игры»: игры по правилам США и контролируемой ими «большой Европы». Но в последние годы эти правила стали меняться. Силовой потенциал национальных государств теперь ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступает на второй план. По мнению некоторых влиятельных аналитиков, сейчас «в мире установился "закон джунглей", о котором под возмущенные крики предупреждали русские». И в этой «борьбе без правил», отмечает С. Караганов, мы, русские, получаем «конкурентное преимущество». И если «миру предлагается "закон джунглей", нужно играть по "законам тайги"» (Караганов, 2019).

Разумеется, это эмоционально окрашенная метафора. Но верно то, что западоцентризм в политике и мышлении устарел, он «признак умственной лени и отсталости». А значит в обозримом будущем гораздо перспективнее движение нашей страны в направлении «Большой Евразии» – нового концептуального пространства «геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающего вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» (К Великому океану, 2019: 275).

По мнению авторов проекта, помимо России и Китая, он будет включать в себя и другие страны Азии, где все будут договариваться и налаживать сотрудничество (К Великому океану, 2019: 276-277). Это возможно, хотя и проблематично из-за вероятного соперничества Китая и России. Вместе с тем эта идея привлекательна в силу ее социокультурного характера: опонируя прежнему проекту «Большой Европы» (от Атлантики до Владивостока) фактически «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект совместного цивилизационного развития, куда по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. «Если рассуждать о будущей картине мира, – прогнозирует известный российский политолог С. Караганов, – то Европа в этой картине разобьется на части: одна будет в системе "Америка+" с США, а другая – в Евразии. Уже сейчас примерно ясно, где будет проходить граница. Вопрос только в том, куда решит пойти Германия. Думаю, что скорее всего в Евразию» (Сергей Караганов, 2019).

Хорошо, если так. Однако этот проект грядущего мирового порядка, как и все большие проекты, характеризуется неустранимой методологической трудностью: он строится на принципе экстраполяции «настоящего» в «будущее», принципе рационального поведения всех участников и на предполагаемом «знании» всего спектра мотиваций субъектов

политики, которое в полной мере, естественно, невозможно. А значит он представляет собой геополитическую утопию, реализация которой находится в горизонте неопределенности: она может быть осуществлена, а может и не состояться. В нашем случае предполагается, что все участники такой большой «региональной игры», отказавшись от приоритета своих национальных интересов, выберут стратегию кооперации действий, и игра завершится с ненулевой суммой. Кроме того, имеются трудности и эпистемологического характера: если использовать известную метафору «шахматной доски», то все геополитические проекты напоминают партию с одним игроком, который попеременно играет и «за белых» (например, Россию), и «за черных» (Европу), но «белые» заведомо остаются в выигрыше. В силу неявно предпосланных результату авторских геополитических предпочтений.

Но действительность всегда оказывается богаче любой теории и любого проекта. С момента публикаций цитируемых прогнозов прошло больше года, но стремления западных стран встраиваться в проект «Большой Евразии» пока не наблюдается. Они предпочитают игру с нулевой суммой, и пока игнорируют предложенный В.В. Путиным инвариант этого проекта: формирование Большого евразийского партнёрства с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, которое должно быть открытым и для стран ЕС. Косвенно это подтвердил, выступивший 10 декабря 2020 года на XXVIII Ассамблее СВОП глава МИДа РФ Сергей Лавров. Да и стремления у азиатских стран формировать совместно с Россией новую континентальную мегаструктуру тоже не наблюдается. Политика вещь прагматичная. А потому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия, космических услуг (объем которых неуклонно сокращается), ну и конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти им навстречу, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на последнем саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем) – это их объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Это противостояние особенно усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 году Штатами «холодной войны» Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию дипломатического альянса трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций: «Россия-Индия-Китай», государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то, что Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира, далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи их внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики «внутреннего» и «внешнего» перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам «второго мира», вынужденных участвовать в зачастую совсем нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, нужны согласованные национальные стратегии развития, опирающиеся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической

жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу. Пример последнего варианта развития дает Китай, успех которого в последние десятилетия был особенно впечатляющ. Присмотримся к нему внимательнее.

Прежде всего, обратим внимание на то, что сближает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации – русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так называемого «советского синдрома» (комплекса воспоминаний о совместно пережитом, и в значительной мере идеализированном, прошлом) эти черты населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии, господствующему мировоззрению, отношениям к семье и труду, характеру строения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX – начале XXI века.

Так китайское руководство вместе с китайскими учеными оценили место своей страны в современной (либеральной) версии глобализации человечества, весьма прагматично: с позиций извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого был использован значительный научный потенциал Академии наук КНР, начиная с 2001 года, подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно – характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год (*Обзорный доклад..., 2011*). В итоге был сделан вывод о том, что Китай следует отнести к числу «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США. К тому же сделали ставку на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивало лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК стали «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться многие другие страны.

Кроме того, приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация иная: на фоне отсутствия долгосрочных стратегий развития из года в год у нас наблюдается вывоз капитала за границу. В 1990-е у нас слепо копировали рекомендации МВФ, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Последний пример: антимонопольное расследование в отношении Alibaba Group – крупнейшей частной компании, ставшей символом успеха и процветания Китая и еще осенью 2020-го готовившей одно из своих подразделений к крупному IPO. Но этот факт, насколько можно судить, не повлиял на намерения крупнейших зарубежных ТНК продолжить работу в Китае.

Ещё одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего, социальной и культурной. В результате создаётся успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» (Ань Вэй, 2005). Основанную, добавим, не на социальной уравниловке, а на идеях управления социальными процессами.

Основываясь на них, в Китае еще в 2014 году была разработана система социального кредитования граждан, которая в качестве «пилотного проекта» уже 6 лет апробируется в Шанхае, провинциях Фуцзянь, Цзянсу, Гуандун и Шаньдун. Западные СМИ сразу же оценили концепцию «социального кредита» как практическую реализацию антиутопии Оруэлла: как систему тотальной слежки, не потрудившись различить государственные и коммерческие (Sesame Credit и Tencent Credit) формы социального кредита. Последние уже давно и эффективно используются коммерческими структурами, особенно банками, во многих странах: все кредитные организации и многие фирмы по предоставлению услуг ведут кредитные истории своих клиентов, используя, в том числе, сведения правоохранительных и других государственных органов. В Китае коммерческое социальное кредитование основывается на подсчете баллов, учитывая, среди прочего, и так называемый «чёрный список»: реестр тех, кто совершил правонарушения. Присутствие в этом реестре может сильно понизить рейтинг пользователя и лишить ряда привилегий, например, при аренде автомобилей и велосипедов или бронировании отелей.

С государственным социальным кредитованием, которое планировалось ввести по всей стране с 2020 года (но так и не ввели), все сложнее. При высоком, в отличие от России, уровне цифровизации экономики и других сфер жизни в многомиллионных городах и, отчасти, в деревне (где уже несколько лет оплата товаров производится безналичным способом) социальный кредит действительно может быть использован в качестве средства тотального контроля государством своих граждан. Возможно, такие планы есть и у китайского руководства. Но не только у него: любое государство «по определению» ориентировано на ограничение свободы и, в большей или меньшей степени, контролирует население. В любом случае сами технологии, в том числе и социальные, этически нейтральны: в конце концов «ружья не убивают людей, людей убивают люди». Все зависит от того, в чьих руках находится скальпель, – врача или преступника. Во всяком случае подавляющее большинство китайцев систему выставления баллов своим соотечественникам в соцсетях оценивают положительно: как систему социального доверия для гармонического развития и построения социализма с китайской спецификой.

Последний, как не трудно заметить, дистанцируется от идеи равенства. Но политическая и социальная системы Китая, хотя там есть диссиденты и сепаратисты, устойчивы, поскольку опираются на конфуцианскую этику и естественное для китайцев (ханьцев) представление об иерархичности мира и общественного устройства. Поэтому вместе с осуществляемой ЦК КПК политикой патриотизма и национального достоинства, идея социального проектирования и управления, подкрепляемая успехами страны в повышении уровня благосостояния народа, оказывается важным фактором успешного социально-экономического развития Китая.

Индия также является страной, способной создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. Начиная с 1980-х в Индии существовал консенсус правящих элит по ключевому вопросу развития: вхождение в глобальную экономику не рассматривалась как обязательный процесс «вестернизации» – считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Эта тенденция сохранилась и с приходом к власти националистически ориентированной «Бхаратия джаната парти» (БДП), которая, помимо формирования «индуистской нации» и новой национальной идентичности на религиозной основе, поставила перед собой амбициозные задачи реформирования страны и превращения её в третью экономику мира. Этого, разумеется, не произошло. Но экономика страны продолжала укрепляться. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ.

Не случайно, что в первое десятилетие XXI века экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. По данным исследования международного рейтингового агентства Moody's, прогнозировалось, что в 2015–2016 гг. темпы роста ее экономики составят около 7-7,5 %, и это будет самый высокий рост экономики среди G20 (Moody's, 2015). Так и произошло. В 2019 году экономический рост Индии составил 7,4 %. Планировалось, что к 2020 году экономика Индии догонит Великобританию и станет пятой по величине экономикой в мире с номинальным ВВП в 2,9 трлн. долларов. Экономический рост КНР в 2019 году составил 6,3 %, а в 2020 ожидалось его снижение до 6,1 % (Рейтинг экономик мира 2019). Но пандемия внесла свои коррективы, замедлив все экономики мира. Но и на этом фоне Китай остался единственной зоной экономического роста. В документах XIV пятилетки, которая стартовала в 2021 году, упор делается на развитие внутреннего рынка (за счет увеличения размеров «среднего класса» с годовым доходом свыше 10 тыс. \$ США) и инфраструктуры, поддержку инновационной деятельности.

Таким образом, создание геополитического треугольника «Россия – Индия – Китай» вполне реально. Однако в этой «триаде», как, впрочем, и в БРИКС и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет лидировать. И вот почему.

Во-первых, обратим внимание, что санкции США против Китая были обусловлены не прихотью экстравагантного Трампа, а вполне здравым расчетом защиты интересов США на внутреннем и внешних рынках. Было замечено, что Китай начинает неоиндустриализацию с целью перехода от экономики экспортного типа (которая сильно зависит от стран Запада) к экономике нового типа, ориентированной на внутренний рынок, и на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, которые планируют продвигать частично на рынки стран Запада, а в большей части - на территории, которые много веков были «задним двором» Европы и США. Экспорт и влияние последних в Юго-Восточной Азии, да и в Европе, где в последние годы Китай интенсивно скупает активы стратегических предприятий, могут быть серьезно ослаблены. Но для России важно другое: то, что постепенно БРИКС выстраивается вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата», если не проведет системную модернизацию страны.

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 10 лет назад, в России государственной стратегии комплексной модернизации страны до сих пор нет. У нас только в 2010 году была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ Д.А. Медведеве. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством не системно, а точно – как реформация отдельных сфер жизни (экономики, науки, образования, здравоохранения и т.д.) – и прежде всего в технологическом ключе: как переформатирование за счет апробированных за рубежом технологий, которые были созданы совсем под другие задачи. Многим экспертам и специалистам было ясно, что нам не нужны ни Болонский стандарт, ни начавшаяся чуть позже академическая реформа. Но, не считаясь с их мнением, чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования, рассказывали общественности сказки о том, что, получив диплом какого-либо российского ВУЗа, можно будет поехать в Евросоюз, потому что российский выпускник будет таким же бакалавром, как и выпускник Сорбонны. А в итоге? В итоге, никакой академической мобильности и свободы преподавания, которые требовала Болонская конвенция, у нас так и не ввели. Вузы ограничились переходом со специалитета на бакалавриат, увеличили нагрузку преподавателей и понизили качество образования. А академическая реформа в виде «слияния академий», сопряженная с введением новых наукометрических показателей (индекса Хирша, публикаций в журналах, включенных в базы данных Scopus, WOS и др.), которые не критиковал только ленивый, увенчалась лишь кратным повышением отчетности для контролирующих науку министерств и сокращением финансирования академических институтов.

То же самое случилось с высшей и средней школой. В итоге качество преподавания и число ученых неуклонно снижалось. А в это же время в Китае число ученых прирастало примерно на 9 % в год, и по числу патентов на изобретения он в 2018 году в 4,9 раза опередил США. Помимо этого, Китай кратно превосходит РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам в 48 раз, по другим, наверное, более реалистичным в 10 раз. Об этом 23.12. 2019 г. сообщил президент РАН Александр Сергеев. «Стратегия

развития страны говорит о том, что к 2035 году Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером», - добавил академик (Кубарев, 2019).

Разумеется, количественная оценка в нашем случае не является достаточной. Гораздо важнее понять базовые причины происходящего. Обсуждая их, оппозиционные политики обычно кивают на авторитаризм политического режима и «отсутствие демократии». Но демократия никогда не была значимым фактором технико-экономического прогресса и благосостояния обществ. Скорее, наоборот. Да и авторитарные формы властвования, как свидетельствует история, могут быть «авторитаризмами развития», а не только стагнации. Разумеется, никто не застрахован от ошибочных и поспешных решений. Но надо вовремя уметь от них отказаться. А эта способность тормозится разным «качеством» наших властвующих элит и обслуживающего их аппарата: одни из них обладают критической рефлексией и широтой кругозора, основанного на понимании сложной диалектики истории, другие мыслят стереотипно, опираются на парадигму «линейного прогресса» (в направлении Запада) и не считаются с мнением экспертов-специалистов. Отсюда гетерогенность и методологический плюрализм политики России. Ее внутренняя политика все еще строится под влиянием давно устаревших западных теоретических стандартов социально-экономического и политического развития, тогда как ее внешняя и оборонная политика более сбалансирована, реалистична и разнообразна.

Она выстраивается, на мой взгляд, на теоретическом основании современного социального конструктивизма, позволяющего сделать проект «Большой Евразии» реализуемой геополитической утопией. Но этот мегапроект, на мой взгляд, может (и должен) быть дополнен проектом цивилизационной эволюции России.

Как уже отмечалось, «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда по мнению его разработчиков войдут и некоторые страны Европы. Но его мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития. Но такой модели и такой стратегии пока у России нет, а проблем хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спецификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панъидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX века, представляет собой псевдоморфозу - своего рода цивилизационный кентавр, причудливо (местами уродливо), сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности» (Гранин, 2020).

На первый взгляд, такими же характеристиками обладает и современный Китай. Но ценностно-смысловое ядро этой цивилизации не эклектично, а целостно. Ее ценностно-смысловой каркас замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему «рационализмом». Основанный не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка (Смирнов, Солондаев, 2019), этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским прядками (Ш. Айзенштадт), а из идеи их гармонического соответствия. Отсюда особая китайская стратегия жизни как эволюции, предполагающая поиск не лобового, а «обходного пути», поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии (Франсуа, 2001). С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как «большой семье» (что сближает Китай со странами Северной Европы) и «государстве» как «поднебесной империи», не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение «великого пути», а однопартийность – как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

Совокупность этих представлений является основой идентичности китайской (ханьской) нации. Последняя уже давно выстроена на основе не столько гражданско-политического,

сколько культурного единства. А мы, потакая республиканским этнонационалистам, не единожды торпедировавшим идею «российской нации», уповаем на гражданский национализм, не уделяя должного внимания формированию социокультурного единства народов России и проектированию ее будущего.

В горизонте этого проектирования Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемого Алексеем Кудриным, предлагается, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании новых институтов развития: так называемых «переходных институтов», призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам (Аузан и др., 2017). Этот замысел базируется на теоретических построениях Дугласа Норта и его коллег (Норт и др., 2011) и, теоретически, может быть воплощен при условии его поддержки в Кремле. Судя по всему, такая поддержка есть. Однако принципиальная трудность, возникающая при попытках имплементации этого проекта реформ, состоит в том, что «поле власти» не концентрируется в одной точке и одном субъекте: Президенте и его Администрации, Премьере, Правительстве и его аппарате – она рассредоточена по всему пространству России: ее «субъектам» и «муниципалитетам», включает властные возможности и полномочия «большого множества» элит. Именно они должны воплощать в жизнь «промежуточные институты» – «систему правил» действия для реформирования страны. Краеугольным камнем которой является принцип «деперсонализации деятельности организаций и институтов». Именно этим сейчас занимается Президент и Правительство, внедряя везде электронные формы «госуслуг», дабы ограничить взимание бюрократической ренты чиновничеством. Но достаточны ли эти меры для превращения «естественного» российского государства и общества в государство и общество «открытого доступа»? Конечно, нет. И авторы проекта это прекрасно осознают, уповая на систему санкций и компенсаций группам для нейтрализации их сопротивления новым правилам.

Получится ли? Трудно сказать. По-видимому, как и раньше, следует уповать на просвещение властвующих элит, в результате которого они добровольно урежут свой эгоизм и свои аппетиты во имя Отечества. История царской России знала и «просвещенных бюрократов», и «просвещенных помещиков», и альтруистов-капиталистов. Но «погоды они не сделали». По ряду множества конкретно-исторических обстоятельств, иной набор и иное сочетание которых вполне могли вывести Россию в число «государств открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам. Не хватило времени и исторического везенья. Сейчас их тоже не хватает. И многие из числа политических, экономических и прочих «элит» и верхних эшелонов власти видят эту проблему. Но редко осознают ее геополитический аспект: в условиях крайнего обострения противостояния с Западом и неизбежной борьбы с ним (и не только) за сосредоточенные на нашей территории ресурсы проблема модернизации страны превращается в проблему ее сохранения в качестве независимого суверенного государства.

Поэтому помимо формирования новых правил (институтов) социального и государственного управления, предполагающих технологическое развитие, достойную жизнь граждан и инвестиции в человеческий капитал, необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое – там в великих победах Россия ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой «цивилизационной специфики». Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо мобилизовать население на реализацию социальной утопии: построение социального государства нового типа – государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.

Литература

Ань Вэй, 2005 – Ань Вэй. Глобализация и право // *Вопросы философии*. 2005. № 2. С. 169.

Аузан и др, 2017 – Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш. Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ. М.: ЦРС, 2017.

Гранин и др., 2018 – Гранин Ю.Д., Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Лебедев С.А. Научный метод: история и теория // *Вопросы философии*. 2018. №8. С. 213-2017.

Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Что такое «глобализация?» // *Высшее образование в России*. 2007. №10. С. 116-121.

Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2014. №2 (14). С.60-74.

Гранин, 2020 – Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // *Вопросы философии*. 2020. №12. С. 34-44.

Иноземцев, 2019 – Иноземцев В.Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // *Век глобализации*. 2019. №2. С. 9.

К Великому океану, 2019 – К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. С. 275-277.

Караганов, 2019 – Караганов С. Каким будет мир? // *Российская газета*. 14.02.2019. Федеральный выпуск. №34 (7792). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html>

Караганов, 2019 – Сергей Караганов рассказал о роли России в образовании Евразии // *Российская газета*. RGRU. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html> (дата обращения: 01.10.2019).

Кубарев, 2019 – Кубарев Анатолий. Китай вкладывает в научное место в 10 раз больше денег, чем РФ // *Политика сегодня*. 23.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf

Леонова, 2020 – Леонова О.Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России // *Век глобализации*. 2020. №2. С. 104-118.

Ли Сянь Лун, 2020 – Ли Сянь Лун. Америка, Китай и угрозы конфронтации // *Россия в глобальной политике*. №4. 2020. Июль–август. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/>

Норт и др., 2011 – Норт Д., Уоллис Д., Барри В. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.

Обзорный доклад..., 2011 – Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Под редакцией Хэ Чуаньци и Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.

Рейтинг экономик мира 2019 – Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. 03.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>

Смирнов, Солондаев, 2019 – Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019.

Франсуа, 2001 – Франсуа Ж. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с франц. В. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.

Moody's 2015 – Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

References

An' Vej, 2005 – An', Vej (2005). Globalizaciya i pravo [Globalization and Law]. *Voprosy filosofii*. 2: 169. [in Russian]

Auzan i dr, 2017 – Auzan, A.A., Avdienkova, M.A., Andreeva, D.A., Bahtigaraeva, A.I., Bryzgalin, V.A., Butaeva, K.O., Veber, Sh. (2017). Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i implementacii reform [Sociocultural factors of innovative development and implementation of reforms]. М.: CRS. [in Russian]

Fransua, 2001 – Fransua, Zh. (2001). Put' k celi: v obhod ili napryamik. Strategiya smysla v Kitae i Grecii [The path to the goal: bypass or straight. The strategy of meaning in China and Greece]. Per. s franc. V. Lysenko. М.: Moskovskij filosofskij fond. [in Russian]

Granin i dr., 2018 – Granin, Y.D., Gubanov, N.N., Gubanov, N.I., Lebedev, S.A. (2018). Nauchnyj metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. *Voprosy filosofii*. 8: 213-2017. [in Russian]

Granin, 2007 – Granin, Y.D. (2007). Chto takoe «globalizaciya?» [What is "globalization?"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 10: 116-121. [in Russian]

Granin, 2014 – Granin, Y.D. (2014). Zheltye pyatna na mantii rossijskogo televideniya [Yellow spots on the mantle of Russian television]. *Zhurnal. Social'nye kommunikacii*. 2(14): 60-74. [in Russian]

Granin, 2020 – Granin, Y.D. (2020). «Civilizaciya» i civilizacionnaya evolyuciya Rossii ["Civilization" and the civilizational evolution of Russia]. *Voprosy filosofii*. 12: 34-44. [in Russian]

Inozemcev, 2019 – Inozemcev, V.L. (2019). Ekonomika i politika globalizacii: uroki proshlogo dlya nastoyashchego i budushchego [Economics and Politics of Globalization: Lessons from the Past for the Present and the Future]. *Vek globalizacii*. 2: 9. [in Russian]

K Velikomuu okeanu, 2019 – K Velikomuu okeanu: hronika povorota na Vostok. Sbornik dokladov Valdajskogo kluba [Towards the Great Ocean: A Chronicle of the Turn to the East. Collection of reports of the Valdai Club]. M.: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», 2019. Pp. 275-277. [in Russian]

Karaganov, 2019 – Karaganov Sergej. Kakim budet mir? [What will the world be like?]. *Rossijskaya gazeta*. 14.02.2019. Federal'nyj vypusk №34 (7792). [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> [in Russian]

Kubarev, 2019 – Kubarev Anatolij. Kitaj vkladyvaet v nauchnoe mesto v 10 raz bol'she deneg, chem RF [Kubarev Anatoly. China invests in a scientific place 10 times more money than the Russian Federation]. *Politika segodnya*. 23.12.2019. [Electronic resource]. URL: info/481103-kitaj-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf [in Russian]

Leonova, 2020 – Leonova, O.G. (2020). Dinamika rejtinga «myagkoj sily» Rossii [Dynamics of Russia's "soft power" rating]. *Vek globalizacii*. 2: 104-118. [in Russian]

Li Syan Lun, 2020 – Li Syan' Lun (2020). Amerika, Kitaj i ugrozy konfrontacii [America, China and the Threats of Confrontation]. *Rossiya v global'noj politike*. 4. Iyul'–avgust. [Electronic resource]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/> [in Russian]

Moody's 2015 – Moody's 2015: Indiya pokazhet samyj vysokij rost ekonomiki sredi G20 [Moody's 2015: India will show the highest economic growth among the G20]. [Electronic resource]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

Nort i dr., 2011 – Nort, D., Uoliss, D., Vajngast, B. (2011). Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. M.: Institut Gajdara. [in Russian]

Obzornyj doklad, 2011 – Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001-2010) [Scoping report on modernization in the world and China (2001–2010)]. Pod redakciej He Chuan'ci i N.I. Lapina. M.: Ves' mir, 2011. [in Russian]

Rejting ekonomik mira 2019 – Rejting ekonomik mira 2019, tablica VVP stran mira. 03.02.2020 [World Economy Ranking 2019, table of GDP of the countries of the world]. 03.02.2020. [Electronic resource]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>

Sergej Karaganov, 2019 – Sergej Karaganov rasskazal o roli Rossii v obrazovanii Evrazii [Sergej Karaganov spoke about the role of Russia in the formation of Eurasia]. *Rossijskaya gazeta. RGRU*. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rolirossii-v-obrazovanii-evrazii.html> [in Russian]

Smirnov, Solondaev, 2019 – Smirnov, A.V., Solondaev, V.K. (2019). Processual'naya logika [Procedural logic]. M.: Sadra. [in Russian]

Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются перспективы возможных альянсов России и государств Евразии в контексте формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. Это наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту на Восток. Но итоги этого разворота от Европы к «Большой Евразии» совсем не очевидны. Возможные трудности определяются политическими, экономическими и цивилизационными различиями стран евразийского континента. По мнению автора, перспективы равноправного партнерства России с Индией и Китаем связаны с формированием новой модели модернизации на собственной цивилизационной основе. Пока цивилизационная модель развития Российской Федерации гетерогенна. И это обстоятельство находится вне поля внимания правящих и интеллектуальных элит страны. В настоящее время Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемого Алексеем Кудриным, предлагается, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании новых институтов развития: так называемых «переходных институтов», призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам. Это важно, но недостаточно. Помимо выработки новых правил (институтов) социального и государственного управления нужна большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами.

Ключевые слова: институты, мировая динамика, модернизация, ценности, цивилизация.

* Корреспондирующий автор

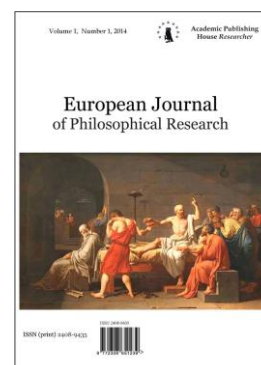
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2021. 8(1): 14-21

DOI: 10.13187/ejpr.2021.1.14
www.ejournal17.com

Philosophical Criticism of the Ideas of Transhumanism

Natalya N. Rostova^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the philosophical foundations of the key ideas of transhumanism. According to the author, transhumanism is based on a fundamental misconception that is found in the thesis about overcoming a human and expanding his abilities. As shown in the article, this thesis involves the use of a subject language to describe a human. Resorting to it, transhumanism deals with the non-human in human, which determines the whole variety of his private initiatives. The article proposes to identify three basic ideas that this diversity is reduced to, namely: the ideas of emotional isolation, increasing degrees of freedom and liberation of a person from the body. The study is conditionally divided into three parts, each of which is devoted to a detailed analysis of the designated ideas. Turning to the strategy of emotional isolation, the author comes to the conclusion that transhumanism claims to eliminate the possibilities of establishing direct emotional connections in our world, which are the basis of any action that we call human. The tools of such isolation are technologies, legislative acts, but, mainly, a change in the mode of our perception of ourselves, when we agree to outsource what is the essence of human. Analyzing the idea of increasing degrees of freedom put forward by transhumanism, the author shows that it is based on the rejection of the anthropological grounds by which a person keeps himself in consciousness. Exploring projects aimed at freeing a human from the limitations of the body, the author shows that they are based on a reductionist understanding of consciousness, thinking and communication. A human is reduced to algorithmized information.

Keywords: transhumanism, posthumanism, artificial intelligence, consciousness, thinking, emotion, passion, gender, freedom, human.

Человеческий вид, если захочет, может себя преодолеть, – так вслед за Джулианом Хаксли утверждают трансгуманисты. Человек есть нечто, что должно превзойти, – вторят Ницше постгуманисты. Но человек не может быть описан на языке предметности. Преодолеть можно физиологические параметры, относящиеся к миру наличного, но не то, что относится к антропологическому порядку существования. У сознания нет предела, ибо сознание – это не тело. Когда экзистенциализм говорит о том, что человек есть не то, что он есть, когда философия выдвигает идею человека как существа трансцендирующего, то речь идет о трансгрессиях метафизического характера, предполагающих онтологический горизонт, в котором разворачивается опыт этих трансгрессий, дарующих обретение человеком самого себя, собственной истины. Экзистировать можно к другому, трансцендировать – к Богу, трансгрессировать – в ничто. Логика этих трансгрессий не

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

предметная, но, напротив, антипредметная, указывающая на то, что человек не находится в ряду сущего, он – невозможное в этом мире, но не в том смысле, что его нет, а в том, что он имеет онтологически иной способ присутствия. Антропология в основе своей всегда есть негативная антропология, указывающая на необъективируемость человека, неприродный характер его самости. Говоря о преодолении человека, трансгуманисты на самом деле обращены к нечеловеческому в человеке, к его организму и изменению его параметров. Расширения возможностей, на которые они уповают, есть не что иное, как физиологические возможности и отчасти социальные, связанные с упразднением принятых в культуре иерархий. Несмотря на то, что это общее фундаментальное заблуждение трансгуманизма определяет характер его частных инициатив, на них стоит обратить пристальное внимание. Ибо трансгуманизм сегодня превращается в микрокультуру, пронизывающую нашу повседневность. Разнообразие трансгуманистических проектов зиждется на нескольких базовых идеях, на которых следует остановиться. Среди таковых можно выделить идеи эмоциональной изоляции, возрастания степеней свободы, освобождения от тела.

Эмоциональная изоляция

Человек был и есть прежде всего страсть. Ошибочно путать ее с витализмом. Если это и витализм, то такой, которого не знает природа. Страсть человека существует свободно и вопреки законам мира. «Все лучшее, что есть у Фрейда, можно найти уже у Платона, остальное – глупости», – говорит устами своего героя Сартр. Что лучшее у Фрейда? Энергия порыва. Что глупости? Низведение того, что греки называли Эросом, к инстинкту. Страсть – не инстинкт. Страсть – это внутреннее самовоспламенение, в котором нуждается всякое что человеческого мира. Человек распят между страстью и автоматизмом. При страсти он при себе. Поверяя себя автоматизму природы, а затем и социума, он безвременно умирает, неприродно исчезая. В кипении страсти рождаются цивилизации. Такую страсть называют пассионарностью. Но всякое человеческое действие вообще человечно лишь тогда, когда его источником является этот огонь. Нет ни одного человеческого движения, в котором не было бы искры этого порыва. Страсть – это не то, что противостоит разуму, но то, что его внутренне согревает, дает ему жизнь. Трактаты великих рационалистов – плод их страсти, не размениваемой на житейские мелочи. Равно страсть – это не то, что противостоит вере. Вера обрекает нас быть горячими, а не тепловатыми. Теплый в вере – мертвый в ней, равнодушный.

Что делает трансгуманизм? Остужает. Он превращает нас в тепловатых в своей человечности. Под трансгуманизмом мы здесь понимаем не только и не столько манифестации тех, кто от первого лица называет себя трансгуманистами, но любые действия, встраивающие нас сегодня в эту логику охлаждения.

Каким образом трансгуманизм нас охлаждает? Эмоционально изолируя. Упраздняя всякую возможность установления эмоциональных связей в нашем мире. Учреждая зону безразличия и отчуждения – прежде всего, от самих себя. Такие, казалось бы, различные проекты, как эко, ювенальная юстиция, интернет-сообщества, экологическая повестка дня, дистанционное образование и работа, фармакология счастья – меняют режим нашей эмоциональности.

Что делает ювенальная юстиция? Выдвигая идею защиты прав детей, она отнимает права у родителей, нарушая внутрисемейное пространство, которое, по сути своей, всегда интимно, то есть недоступно для глаз чужих. В семье появляется другой, тот, кто наблюдает, а не тот, кто любит, то есть смотрит извне, а не изнутри, имея при этом полномочия диктовать свою волю, нарушающую эмоциональные довербальные связи. Другой встраивает несоциальное в социальный порядок, рассчитывающим оком объективируя исконно внутреннее, не выворачиваемое вовне без того, чтобы не утратить собственной истины.

Под лозунгами репродуктивного равенства сегодня становятся возможны не только суррогатное материнство (хотя и не во всех странах) и экстракорпоральное оплодотворение, но набирает оборот развитие технологий по вынашиванию ребенка вне утробы матери. Так называемые биомешки, или искусственные матки, сулят передать проблему рождения детей на аутсорсинг. Биомешки – не то же, что инкубаторы, которые поддерживают жизнедеятельность плода, но идеальная среда для созревания ребенка, воспринимающая его как еще неродившийся плод. Лаборатории Австралии и США проводят успешные

эксперименты с эмбрионами ягненка, выдвигая на первый план терапевтические цели. Впоследствии, по мнению их представителей, искусственные матки могут спасти жизни недоношенных детей на самых ранних сроках. Однако истинные цели формулируются ими уже в терминах ампутации плода: «Наша система, – говорится в передовой статье, – предлагает любопытную экспериментальную модель для решения фундаментальных вопросов о роли матери и плаценты в развитии плода. Мы добились долгосрочного физиологического поддержания жизни плода, ампутированного от матери, что делает возможным изучение сравнительного вклада плаценты в созревание плода» (Климан, 2020: 197). Иными словами, речь идет не о терапии, а о технологической замене женщины в процессе вынашивания ребенка. «Наша система лишает плаценту смысла», – резюмирует специалист из австралийского Фонда исследования женщин и новорожденных (Климан, 2020: 206). На данный момент помимо законодательных ограничений для реализации проекта искусственной матки с человеческими эмбрионами имеются ограничения технического характера, связанные с порогом жизнеспособности плода, отделенного от матери. Однако вектор экспериментов ясно очерчен – переход от частичного эктогенеза к полному, то есть к вынашиванию ребенка от зачатия до родов вне материнской утробы. Так называемый эктогенез сулит новые степени свободы и счастье.

«Наша главная цель – приносить людям радость», – объясняют свое дело именитые доктора-чудотворцы (Климан, 2020: 177). Радость чего? Радость нахождения баланса между семьей и карьерой, когда женщина может себе позволить отложить рождение детей на неопределенный срок – самая пожилая роженица на сегодняшний день стала матерью в 67 лет; радость выбора пола будущего ребенка, ведь у каждого есть свои предпочтения; радость «выбраковки аномальных эмбрионов», ведь, согласно такой логике, никто не хочет рисковать. Радость не предоставлять свое тело, ведь можно обойтись и без этого, если речь идет о суррогатном материнстве или биомешках. Идея репродуктивного равенства реабилитирует запросы не только женщин недетородного возраста и тех, кто нацелен на карьеру, но также мужчин, людей с нетрадиционной ориентацией. Иными словами, на поверхности лежит стремление вывести женщин, мужчин, беременных, представителей ЛГБТ из-под ига социальной и биологической дискриминации, а значит, упразднить природные (половые, возрастные) и социальные различия.

Однако нарочитая коммерциализация взаимосвязей «родители-дети», встраивание их в систему бизнес-планирования и договорных отношений, главным образом, усугубляется более фундаментальной переменной на антропологическом уровне. Речь идет об упразднении страсти путем редукции телесных практик. Между ребенком и родителями устанавливается зона непреодолимого безразличия. Зачать ребенка, выносить его, родить, затем заботиться о нем, вскармливать грудью – это не технический алгоритм, наподобие бухгалтерских операций, которые можно передать на сторону, ведь, главное, в конце концов, выручка. Ребенок – это не «выручка». Не некий потусторонний итог чужого труда, за который мы заплатили. Ребенок – это цепь непрерывных переживаний, проживаемых конкретно и неуловимо, начиная с момента его ожидания. И каждое звено этих переживаний уникально и незаменимо. Кормление материнским молоком – это не физиологический акт, но метафизический. В нем устанавливается довербальная связь, та полнота близости, живым воспоминанием о которой будут дальнейшие отношения с ребенком. Рождение ребенка – это не медицинская процедура, но вхождение человека в мир, момент соединения неба и земли, переживание которого ни с чем не может сравниться в жизни женщины. Человек – не духовная сущность, но живая страсть, реализующая себя посредством конкретного тела. Мы любим не вообще, но всем своим существом. Мы переживаем не абстрактно, но всей своей человеческой тотальностью. Человек – существо переживающее, а не алгоритмическое. Если мы хотим отправить письмо, то мы думаем о ком-то, кто присутствует как отсутствие, мы подбираем слова, способные вместить паузы, мы идем на почту, отправляем конверт и ждем ответа. Вся эта длительность, вмещающая амплитуду состояний человека, включая тактильные, визуальные, обонятельные ощущения, и есть письмо. Сегодня нам предлагают воспользоваться электронными сервисами – дешевыми, надежными, а главное, – молниеносными. Все это, несомненно, так. Но эта нечеловеческая скорость и технологичность изымает самое ценное у человека – переживания. Письмо – это не информация. Письмо – это событие. Апология разрыва

между половым актом и зачатием, биомешки и прочие подобные репродуктивные технологии, равно как и устройства, проводящие их логику в жизнь, как, например, высокотехнологичные люльки для младенцев, имитирующие объятия матери и ритмы ее тела, предлагают отказаться нам от нашего внутреннего опыта. Вместе с «ампутацией плода» мы ампутуем наш внутренний мир.

Разговоры о том, что «главное не родить, а вырастить» и мужчины становятся прекрасными отцами вопреки тому, что не вынашивают детей, – не более, чем демагогия. «Прекрасные отцы» – это свидетельство той же непрерывной цепи конкретных переживаний отношения между отцами и детьми. По фактуре эта конкретика может различаться, но, не рождая сам, мужчина имеет свой уникальный опыт переживания и проживания ожидания ребенка и появления его на свет, в том числе опыт сопереживания женщине. Это переживание не может быть ничем заменено или редуцировано к технической процедуре без того, чтобы оставить в душе человека неустранимое зияние.

Телесные практики редуцируются в виртуальной сфере, в которой протекает наша частная и публичная жизнь в рамках дистанционного образования, дистанционной работы, получения дистанционных услуг, участия в интернет-сообществах. Устанавливаемая дистанция носит не только физический, но вместе с тем метафизический характер. Исчезает опыт взгляда глаза в глаза, то чувство сродного ритма, которое определяет отношения с другим человеком. Невинные эмодзи незаметно уже заменили наш опыт невербального общения. Виртуализация наших практик тотально превращает всякий опыт дословного в знаки, которые обретают самостоятельную от сознания и смысла жизнь. Знаки не переживают, ими оперируют. При помощи знаков мы тщетно хотим пробежать ту бесконечность, которая естественно обживает нас в непосредственном общении. Мы опосредуем наши отношения, убиваем их эмоциональный источник, превращая интимное в обмен портфолио. Как возникает мы? Общее пространство понимания? В культе, ритуале. В коллективном выплавлении единого тела для одного на всех сознания. Устанавливаемое мистериальное родство поддерживает жизнь общины. Община – это не множество наличных индивидов, это такое мы, которое вмещает видимое и невидимое, живших и живущих, грядущих и тех, кто находится в отдалении. Мы – сверхвременная и сверхпространственная категория, и в этом заключается ее жизненность. Она единит множество в перспективе его бесконечности. А потому тот, кто одинок, никогда вместе с тем не одинок, ибо он часть общины, носитель общего сознания. Сети обрекают нас на непреодолимое сиротство, отсекая возможность учреждения непосредственных, единственно жизненных отношений.

Принцип эмоциональной изоляции реализует экологическая повестка дня. Нам предлагают устыдиться своей роли варвара в райском мире. Нас приглашают спасти природу, деревню, мир, планету. Как говорит один современный священник, не нужно спасать природу, нужно спастись самим. Не нужно спасать деревню, в ней надо жить. Спасаясь сами, мы спасаем и мир (Ильин, 2010). Наш естественный природный мир превращается в парки. На законодательном уровне под видом защиты окружающей среды нам ограничивают прямой доступ к водоемам, лесам и их богатствам. Вот этот запрет непосредственного и есть сдерживание прямых связей с природой на эмоциональном уровне. Но мы и сами с удовольствием становимся наблюдателями природы, превращая ее в знаковое пространство, когда предпочитаем деревне город и дачу, прогулке – виртуальные путешествия, созерцанию – разглядывание приторного фотошопа, опыту странствия «туда, сами не зная куда», который открывает природа, – хождение по указателям.

Фундаментальным опытом эмоциональной самоизоляции, то есть изоляции от самих себя, является фармакологический контроль над эмоциями. Их искусственное продуцирование и торможение, что в большей степени распространено сегодня в западном мире. Как свидетельствует Ф. Фукуяма, только по официальной статистике 10 % населения Америки принимает прозак и его аналоги, спасающие от депрессии и повышающие самооценку. Аналогичным образом популярен риталин, сдерживающий гиперактивность (Фукуяма, 2004: 68). Но страсть, или эмоция, – это то, причиной чего является сам человек, а не процессы в организме, производные от внешних детерминант. Человек всегда боялся оказаться марионеткой Бога и внешних сил, но отчего-то научный подход гипнотически снимает этот синдром. Трансгуманист Д. Пирс выдвигает утопию конструируемого при

помощи генной инженерии и наркотиков рая, лишённого страдания. Но страдание – это не боль, не реакция на аффицирование извне, но то, что поджидает каждого в потаённой комнате его «я». Страдание неминуемо сопутствует встрече с самим собой. Это не сигнал организма, который можно попросту заменить информационным оповещением о состоянии здоровья, о чем мечтает Пирс, но весть человечности.

Возрастание степеней свободы

Лейтмотив современных трансгуманистических практик – снятие всех возможных различий, а вместе с этим апология возрастания степеней свободы. Каких различий? Прежде всего, половых, расовых, возрастных, религиозных, репродуктивных, маркирующих здоровье. Сегодня ты не тот, кем родился, равно как и не носитель некоего габитуса, но тот, кем ты себя чувствуешь. Например, ты можешь быть «белым», но чувствовать себя латиноамериканцем. Быть женщиной, но чувствовать мужчиной. Закономерно – быть половозрелым, но объявлять о своем детском самовосприятии. И столь же закономерен обратный тезис об упразднении дискриминации детей – высвобождении их из-под гнета семейного гетеросексуального воспитания, навязывания ролей и ограничений в сексуальных практиках. Как выражается С. Файерстоун, детям нужно позволить иметь «столько генитального секса, сколько смогут вынести» (Аверьянов, Баранов, 2020). В той же логике развиваются программы полового воспитания детей, знакомящие их с различными видами сексуальных практик и гендерных идентичностей.

Дискриминацией объявляется не лишение некоей ценности, но, напротив, всякое посягание на установление линий непреодолимого. Иными словами, сама по себе любая ценность дискриминационна по своей сути, но вовсе не ее недостижимость. Материнство, например, может быть объявлено ущемлением в правах женщин, ибо помещает их в зависимое положение от мужчин. И тут же отсутствие биологических оснований, чтобы стать матерью, – дискриминацией мужского населения. Равно одновременно – различие «мать», «отец» в социальной сфере – дискриминацией детей, которые живут с «родителями», состоящими в однополном браке. У них, к примеру, «два папы», и они, согласно высвобождающей логике, имеют не меньше прав, чем дети из традиционных семей. Во всех трех случаях материнство вовлекается в дискриминационную игру, как в модусе наличной характеристики, так и, обратно, в модусе его невозможности. Но речь не о нарушенной логике проповедников свободы, а о том, что цель здесь одна – представить любые границы принципиально ситуативными и пластичными.

Нам предлагают вчувствоваться в мучение тех, кто лишен опыта материнства, способное вызвать поистине сострадательный отклик в душе, если не знать, что исповедь принадлежит трансгендеру: «моя абсолютная печаль, моя абсолютная боль – невозможность стать матерью», – говорит один из них (Климан, 2020: 225) и жалуется на отсутствие «полноценного жизненного опыта»: «На данный момент, – продолжает он, – быть трансом – значит жить где-то на 60-70 % и мириться с большой утратой» (Климан, 2020: 229). На резонный вопрос собеседника, не стоит ли попробовать испытать себя в качестве отца, мужчина ожидаемо отвечает, что это даже не приходило ему в голову. Почему не приходило в голову? Потому что то, что названо утратой, не что иное, как требование признать в качестве права любое возможное желание. Проблема здесь кроется не в безудержности научных инициатив, пытающихся производить половые клетки из клеток кожи, что сулит установление гендерного равноправия и не зависимости деторождения от гетеросексуального акта, равно как и не в страдании конкретных людей по тому или иному поводу, а в пропагандируемой идеологии, суть которой сводится к тому, чтобы лишить человеческий мир оснований. Тезис о новых степенях свободы и обслуживающая его идея всеобщего комфорта, удовольствия, равноправия, свободы и счастья – нехитрый эвфемизм, скрывающий идею принципиально подвижной идентичности, человека без оснований. Вводя гендерно-нейтральный язык (в том числе по отношению к Богу), заменяя мать и отца «родителем №1» и «родителем №2», рекламируя «каминг-аут» представителей меньшинств, поощряя миграционные потоки и космополитическое мировоззрение, иными словами, лишая человека половой, национальной, возрастной, сексуальной, религиозной идентичностей, мы вместе с тем лишаем его тех антропологических скреп, которыми оформляется и удерживается сознание. Ибо все эти различия по сути своей, прежде всего,

не социальные и биологические параметры, но антропологические, то есть работающие на уровне субъективности человека. Сознание – это всегда учреждение линий непреодолимого, абсолютных межей, являющихся внутренней неприродной опорой человека. Способом собой овладеть. Удерживая себя в различиях, человек удерживает себя в сознании. Проповедь тотальной эмансипации человека от природы, нравственности и других способов учредить внутренние табу – не что иное, как проповедь смерти человека, угасания его сознания, встраивание в потоки хаотических состояний, в которых он не принадлежит себе.

Освобождение от тела

Известная еще с античности идея Платона о том, что тело – темница души, определившая католическую традицию, в отличие от православия, для которого душа и тело представляют неразрывное единство, не имеет никакого отношения к трансгуманистической максиме об освобождении человека от оков «биологического носителя», на чем построены проекты кибернетического бессмертия, создания цифровых двойников, передачи мысли на расстоянии. Экстропианец Н. Бостром предлагает нам выскользнуть из ловушки углеродной формы жизни в ходе эволюционного совершенствования, сингулярианец Р. Курцвейл проповедует слияние человека с искусственным интеллектом, апогеем которого станет превращение людей в полностью небиологических существ. Компания Microsoft успела запатентовать технологию создания чат-ботов на основе оцифровки данных умерших людей – их голоса, текстовых сообщений, информации из профилей, фотографий и проч. И. Маск грезит о чипах, которые позволят редуцировать вербальную коммуникацию и напрямую передавать друг другу мысли. Трансгуманисты нам обещают цифровую вечность, телепатическое общение, дистанционное управление состояниями человека (разумеется, ради его блага) посредством оптогенетики и других подобных технологий, оказывающий воздействие на мозг и способных, к примеру, вылечить от депрессии, восстановить утраченные из-за болезни навыки и проч.

Почему подобные трансгуманистические обещания, явно коррелирующие с доминирующей точкой зрения в современных дискуссиях об ИИ, не имеют отношения к античной максиме? Потому что они зиждутся на допущении о тождестве человека и его мозга, сознания и активности нейронов, мышления и физиологических сигналов, общения и передачи информации. Проблема состоит не в статусе тела как такового, от которого нас хотят избавить, а в статусе человека. Что именно мы собираемся переносить на небиологический носитель? Что мы подразумеваем под мыслью, когда говорим о ее неречевой трансляции? Мысль – это фундаментальный опыт различания, который случается с некоторыми из нас однажды. Этих некоторых мы хорошо знаем, ибо их не так много было за всю историю человечества. Сознание – это то, в чем мы иногда пребываем, когда обращаемся к себе, к своему внутреннему человеку. Трансгуманизм редуцирует человека к потоку алгоритмизуемой информации и именно ее тщится освободить от тленного тела. Но сознание – это не то, из чего аккумулируется big data, а мысль – это не сигнал о состоянии тела, который можно оцифровать в код. Мы можем связать компьютер и мозг, но это не даст нам доступа к мысли, ибо ни у компьютера, ни у мозга мыслей нет. Как говорил С. Булгаков, мы можем сколь угодно точно изучить работу телеграфных проводов и столбов, но мы ничего не поймем в «сообщениях». То есть в сознании. Чтение мыслей – вовсе не утопический проект будущего, но та реальность, что извечно сопровождает человечество в истории. Она не требует хитрых устройств вроде «электронных кружев». Когда, к примеру, Левин объясняется с Китти при помощи первых букв слов, то он не сообщает ей какой-то новый неведомый смысл, но обнаруживает то, что они оба и так знают. Суть этой сцены из романа «Анна Каренина» состоит в том, что Левин в этот момент обнаруживает решимость явить очевидное в качестве очевидного, то есть сделать предложение возлюбленной. Мы знаем что-то о человеке не потому, что он нам сказал об этом, но потому, что мы пребываем с ним в общем пространстве понимания. В предельном смысле это пространство – культ. Но равно семья или общий ритуал, предполагающий общие правила и общие табу. И вместе с тем мы можем быть как никогда рядом, но обнаруживать не пробегаемую пропасть, даже если у нас общий язык, страна, смартфоны с доступом в интернет и, по всей видимости, в скором времени – устройства наподобие чипов для «чтения мыслей». У мысли нет эквивалентов. Можно причаститься мысли,

пребывать в ней, находить в ней соседство с кем-то, кто в ней уже бывал. Сделать ее своей, ибо не бывает чужих мыслей. Мысль – это всегда твоя мысль, даже если это мысль Гегеля. Но чтение Гегеля возможно только тогда, когда его мысли делаются твоими.

Мысль – это пространство предельной свободы человека, такой явной для людей, покуда мы люди, и такой эфемерной, покуда мы пытаемся ее объективировать. А потому страх чипизации не столько преувеличен, сколько движем той же трансгуманистической установкой, которую он отвергает. Наше тело может быть предметом экспериментов, манипуляций, быть может, попросту чужих ошибок или преступлений. Но, как известно, можно быть свободным и на кресте. Сила слова как вестника сознания такова, что способна отменять непосредственные реакции организма. Начиная от свидетельств покаянной молитвы, способной излечить тело, и заканчивая результатами научных экспериментов, доказывающих, что слово может воздействовать на изменение состава крови и в целом биохимические процессы в организме (Поршневу, 1974: 169-170). Не мозг определяет работу сознания, но, напротив, сознание определяет работу организма, заставляя его с собой сообразовываться.

Литература

Аверьянов, Баранов, 2020 – Аверьянов В., Баранов С. Трансчеловек против человека. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/20212>

Ильин, 2010 – Ильин И. Беседа с протоиереем Виктором Салтыковым (Ивановская епархия). «Мы попытались в фильме дать образ русской православной деревни». 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/34436.html>

Климан, 2020 – Климан Дж. Секс без людей, мясо без животных. Кто проектирует мир будущего. М.: Индивидуум. 2020. 336 с.

Поршневу, 1974 – Поршневу В. О начале человеческой истории. М.: Мысль. 1974. 487 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «Люкс». 2004. 349 с.

References

Aver'yanov, Baranov, 2020 – Aver'yanov, V., Baranov, S. (2020). Transchelovek protiv cheloveka [Transhuman versus human]. [Electronic resource]. URL: <https://izborsk-club.ru/20212> [in Russian]

Fukuyama, 2004 – Fukuyama, F. (2004). Nashe postchelovechesкое budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST»; ОАО «Lyuks». 349 p. [in Russian]

I'in, 2010 – I'in I. (2010). Beseda s protoiereem Viktorom Saltykovym (Ivanovskaya eparhiya). «My popytalis' v fil'me dat' obraz russkoj pravoslavnoj derevni» [Conversation with Archpriest Viktor Saltykov (Ivanovo diocese). “We tried to portray a Russian Orthodox village in the film.”]. [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/34436.html> [in Russian]

Kliman, 2020 – Kliman, Dzh. (2020). Seks bez lyudej, myaso bez zhivotnyh. Kto proektiruet mir budushchego [Sex without people, meat without animals. Who designs the world of the future]. М.: Individuum. 336 p. [in Russian]

Porshnev, 1974 – Porshnev, B. (1974). O nachale chelovecheskoj istorii [About the beginning of human history]. М.: Mysl'. 487 p. [in Russian]

Философская критика идей трансгуманизма

Наталья Николаевна Ростова^{a, *}

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)

Аннотация. В статье исследуются философские основания ключевых идей трансгуманизма. Согласно автору, трансгуманизм строится на фундаментальном заблуждении, которое обнаруживается в тезисе о преодолении человека и расширении его способностей. Как показывается в статье, этот тезис предполагает использование предметного языка для описания человека. Прибегая к нему, трансгуманизм имеет дело с нечеловеческим в человеке, что определяет все разнообразие его частных инициатив. В статье предложено выделить три базовые идеи, к которым сводится это многообразие, а именно: идеи эмоциональной изоляции, возрастания степеней свободы и освобождения человека от тела. Исследование условно делится на три части, каждая из которых посвящена детальному анализу обозначенных идей. Обращаясь к стратегии эмоциональной изоляции, автор приходит к выводу, что трансгуманизм претендует на устранение возможностей установления непосредственных эмоциональных связей в нашем мире, которые лежат в основании всякого действия, которое мы называем человеческим. Инструментами такой изоляции являются технологии, законодательные акты, но, главным образом, перемена режима нашего восприятия себя, когда мы соглашаемся отдать на аутсорсинг то, что составляет суть человеческого. Анализируя идею возрастания степеней свободы, выдвигаемую трансгуманизмом, автор показывает, что в ее основе лежит отказ от антропологических оснований, которыми человек удерживает себя в сознании. Исследуя проекты по освобождению человека от ограничений тела, автор показывает, что в основе их лежит редукционистское понимание сознания, мышления и общения. Человек сводится к алгоритмизуемой информации.

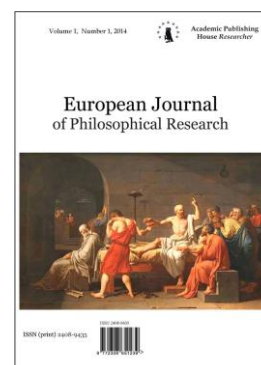
Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, искусственный интеллект, сознание, мышление, эмоция, страсть, гендер, свобода, человек.

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2021. 8(1): 22-26

DOI: 10.13187/ejpr.2021.1.22
www.ejournal17.com

Modern Dynamics of the Categorical Field of Organizational Psychology

Elena A. Volodarskaya ^{a, *}

^a Institute of the history of science and technology, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of the dynamics of the subject field of organizational psychology as an independent science. Emphasis is placed on the interdisciplinary, interdisciplinary nature of the categorical core of this young science. It substantiates the need of using an integrative approach to the analysis of psychological phenomena included both in the problem area of organizational psychology and related socio-humanitarian disciplines.

It is noted that the applied nature of organizational psychology again raises the question of the subject and tasks of this area of knowledge based on the interdisciplinary nature of the research subject, as well as in connection with the dynamism and variability of the types of organizations, the diversity of which affects the behavior of an employee in the organization, his mental characteristics of the personality of a professional.

As an example of considering traditional phenomena at a new level of organizational change, the phenomenon of personality responsiveness, transferred to the organizational behavior of a leader, is given. The approaches to the analysis of this phenomenon in the context of organization management are given, in particular, based on identifying the personality traits of a leader and his management values.

New tasks in teaching organizational psychology are highlighted in order to develop a holistic organizational and psychological view of the problems of functioning of an integral subject of a professional group (organization) in young generations with an emphasis on solving issues of organizational behavior of an employee in the context of his professional activity, based on the unique capabilities of organizational psychology.

Keywords: organizational psychology, methodological reflection, the subject field of science, responsiveness.

1. Введение

Организационная психология – прикладная отрасль психологии, изучающая все аспекты психической деятельности и поведения людей в организациях с целью повышения эффективности и создания благоприятных условий для труда, индивидуального развития и психического здоровья членов организации (Занковский, 2002). Это очень молодая наука, институционализация которой как самостоятельной области научного знания произошла практически вчера по меркам исторической науки.

* Corresponding author
E-mail addresses: eavolod@gmail.com (E.A. Volodarskaya)

Но именно прикладной характер этой науки с новой силой сегодня ставит перед организационными психологами вопрос о том, что именно изучать, с одной стороны, в связи с междисциплинарным характером исследовательского предмета, а, с другой стороны, в связи с динамизмом и изменчивостью видов организаций, разнообразие которых влияет на поведение работника в организации, его психические признаки (Свенцицкий, 2019).

Сегодня можно говорить о высокой подвижности, прозрачности, некотором размывании четких границ организационной психологии в системе других близких наук. Важно обращать внимание на то, что при современной дифференциации накопленного в организационной психологии знания вновь встает вопрос об идентичности, целостности, единстве организационной психологии как самостоятельной науки, необходимости вести речь о применимости, легитимности использования базовых объяснительных принципов и концепций к разным социальным ситуациям функционирования организации. Будучи очень молодой наукой, организационная психология на современном этапе своего существования предложила достаточно дифференцированную систему категорий исследовательского поля, превратив отдельные разделы в самостоятельные «веточки» своего теоретического и практического знания,

Организационная психология выстроила межпредметные связи с общей, социальной, дифференциальной отраслями психологической науки, психологией труда, менеджментом, социологией, антропологией, экономикой, политологией, историей и рядом других социогуманитарных дисциплин. Ведь, ряд концептов могут быть раскрыты усилиями различных смежных областей, имеющих сходные феномены в своем предметном поле. Например, явления профессиональной мотивации или профессионального выгорания личности, которые считают своими и общая психология, и психология труда, и социальная психология, а также клиническая психология и медицина в целом. Это с необходимостью предполагает поддержания конструктивного взаимодействия специалистов не только внутри организационной психологии, но и со смежными направлениями. Только интегративный подход, а не сфокусированность на определении предметных границ будет способствовать успешности оформления новой методологической парадигмы постоянства изменчивости социального контекста функционирования организации, требующей по-новому решать вопросы объяснения и прогнозирования поведения человека в организации.

2. Материалы и методы

2.1. Основными теоретико-методологическими положениями в данном исследовании выступили подходы отечественных и зарубежных исследователей к проблемам психологии науки, методологии описания содержательных категорий предметного ядра науки.

2.2. Были использованы методы научного познания, обусловленные целью настоящего исследования, направленного на описание психологических особенностей динамики категориального поля организационной психологии на современном этапе.

3. Результаты

Динамике предмета организационной психологии способствует появление организаций нового типа в связи, во-первых, с изменением средств труда, их высокой автоматизацией; во-вторых, с глобализацией и интеграцией экономики; в-третьих, с высокой мобильностью работника, тенденцией к постоянной смене трудового коллектива или профессии, в-четвертых, с изменением образовательных стандартов в перечне необходимых компетенций субъекта труда; в-пятых, с превращением интеллектуальной технологии, знаний в основной инструмент принятия решений и наиболее востребованный результат деятельности, и, в-шестых, с возникновением виртуальных организаций, требующих пересмотра накопленного организационно-психологического багажа и развития новой объяснительной модели.

Современные вызовы направляют фокус анализа психологической науки на новые возможности изучения традиционных феноменов в актуальном ракурсе организационных новаций, примером чего может выступить феномен отзывчивости личности, который рассматривается не только как личное качество предрасположенности к проявлению эмпатии, сочувствия в межличностном общении, но и как стилевой признак эффективного

управления разнообразными бизнес-проектами, внимания к меняющейся ситуации деловой среды организации.

Изменчивость и непостоянство социального контекста функционирования организаций предполагает необходимость выделения более гибкой модели управления группой. Умение уловить сигналы, поступающие от группы, чувствительность лидера к ним, умение отозваться и правильно отреагировать на еще только формирующие запросы группы, внесение изменений в способы управления составляют важные факторы гибкости управленческой модели и залогом профессиональной успешности личности лидера в группе.

До сих пор данное новое направление анализа отзывчивости лидера к параметрам группового функционирования не получило однозначного определения в психологической литературе. Исследователи выделяют разные концепции подобного гибкого отзывчивого стиля управления (Rouleau, 2015). Например, есть модель конкурирующих ценностей (Quinn, 1988), теория поведенческой сложности (Denison et al., 1995); модель развития потенциала адаптивности для лидера (Glover, Friedman et Jones, 2002; Yukl, Mahsud, 2010), а также теория лидерства, основанного на навыках (Mumford et al., 2000).

Подходы к описанию понятия отзывчивого лидерства условно можно разделить на две группы: выделение личностных черт лидера и его ценностей управления. В первом подходе акцент переносится на адаптивность, открытость, умение отвечать новым запросам.

Во втором подходе гибкость лидерского поведения базируется на его сложности и возможности использовать разные усвоенные приемы и техники управления в зависимости от требований ситуации. То есть, разнообразие поведенческих моделей должно быть сформировано у лидера заранее, а его эффективность зависит от того, как успешно он отзывается на меняющуюся ситуацию, используя необходимые поведенческие умения.

Значимым фактором отзывчивости лидера становится его внимательное отношение к самому себе и к окружению в данный момент времени функционирования организации, что позволяет замечать небольшие изменения и своевременно реагировать на них. Внимательное присутствие лидера – это результат организационных процессов, проявляющийся в наблюдении, предвосхищении, классификации и реагировании на возможные групповые ошибки и возникающие проблемы (Dane, Brummel, 2013).

Фактор понимания ситуации выражается в таких чертах личности лидера, как умение упорядочивать свое поведение, брать на себя ответственность и быть надежным (Berry et al., 2007). При этом выделены показатели внимательного присутствия лидера с точки зрения организационных переменных, таких как профессионализм сотрудников и их психологическое благополучие на рабочем месте. А управленческая деятельность направлена на профилактику и уменьшение эмоционального истощения сотрудников и повышение их удовлетворенности, а также на то, чтобы своевременно отвечать на запросы подчиненных (Hülshager et al., 2013).

Динамика предметного поля организационной психологии, характера ее межпредметных связей определяет и изменения в задачах преподавания этой дисциплины. Приоритетным в обучении, воспитании новых поколений организационных психологов должно стать развитие у них целостного организационно-психологического взгляда на проблему повседневной реальности, некоторого организационно-психологического чутья, предполагающего умение увидеть в решаемой профессиональной проблеме именно организационно-психологическую составляющую и решить ее способами, обоснованными в организационной психологии, отличными от общепсихологических, социологических, социально-психологических приемов, что составляет одну из основных профессиональных компетенций будущих специалистов-организационных психологов.

4. Заключение

Методологическая рефлексия особенностей современного этапа развития организационной психологией свидетельствует о широких теоретических, методических возможностях организационной психологии как в решении практических запросов общества, так и в процессе подготовки новых поколений.

Такой путь является перспективным и для воспитания организационных психологов, чувствительных к социальному запросу, для сохранения традиции и преемственности в организационной психологии и ее самой как самостоятельной дисциплины.

Литература

- [Занковский, 2002](#) – Занковский, А.Н. Организационная психология. М.: Флинта, 2002. 521 с.
- [Свенцицкий, 2019](#) – Свенцицкий, А.Л. Организационная психология. М.: Юрайт, 2019. 504 с.
- [Berry et al., 2007](#) – Berry, C.M., Ones, D.S., Sackett, P.R. Interpersonal deviance, organizational deviance, and their common correlates: a review and meta-analysis // *The Journal of Applied Psychology*. 2007. 92(2): 410-424.
- [Dane, Brummel, 2013](#) – Dane E., Brummel B. Examining workplace mindfulness and its relations to job performance and turnover intention // *Human Relations*. 67(1): 105-128.
- [Denison et al., 1995](#) – Denison D.R., Hooijberg R., Quinn R.E. Paradox and Performance: Toward a Theory of Behavioral Complexity in Managerial Leadership // *Organization Science*. 1995. 6(5): 524-540.
- [Glover et al., 2002](#) – Glover J., Friedman H., Jones G. Adaptive leadership: When change is not enough // *Organization Development Journal*. 2002. 20(2): 15-32.
- [Hülshager et al., 2013](#) – Hülshager U.R., Alberts H.J. Feinholdt A., Lang J. Benefits of mindfulness at work: the role of mindfulness in emotion regulation, emotional exhaustion, and job satisfaction // *The Journal of Applied Psychology*. 2013. 98(2): 310-25.
- [Mumford et al., 2009](#) – Mumford M.D., Zaccaro S.J., Harding F.D., Jacobs T.O., Fleishman E.A. Leadership skills for a changing world: solving complex social problems // *Leadership Quarterly*. 2000. 11(1): 11-35.
- [Quinn, 1988](#) – Quinn E. Beyond Rational Management: Mastering the Paradoxes and Competing Demands of High Performance. San Francisco: CA: Jossey-Bass Inc., 1988.
- [Rouleau, 2015](#) – Rouleau V. La flexibilité du leadership et ses relations avec la présence attentive et les facteurs de personnalité conscience et ouverture. Mémoire de la these de de la maîtrise en sciences de la gestion. Montréal. 2015.
- [Yukl, Mahsud, 2010](#) – Yukl G., Mahsud R. Why flexible and adaptive leadership is essential. // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2010. 62(2): 81-93.

References

- [Berry et al., 2007](#) – Berry, C.M., Ones, D.S., Sackett, P.R. (2007). Interpersonal deviance, organizational deviance, and their common correlates: a review and meta-analysis. *The Journal of Applied Psychology*. 92(2): 410-424.
- [Dane, Brummel, 2013](#) – Dane, E., Brummel, B. (2013). Examining workplace mindfulness and its relations to job performance and turnover intention. *Human Relations*. 67(1): 105-128.
- [Denison et al., 1995](#) – Denison, D.R., Hooijberg, R., Quinn, R.E. (1995). Paradox and Performance: Toward a Theory of Behavioral Complexity in Managerial Leadership. *Organization Science*. 6(5): 524-540.
- [Glover et al., 2002](#) – Glover, J., Friedman, H., Jones, G. (2002). Adaptive leadership: When change is not enough. *Organization Development Journal*. 20(2): 15-32.
- [Hülshager et al., 2013](#) – Hülshager, U.R., Alberts, H.J. Feinholdt, A., Lang, J. (2013). Benefits of mindfulness at work: the role of mindfulness in emotion regulation, emotional exhaustion, and job satisfaction. *The Journal of Applied Psychology*. 2013. 98(2): 310-25.
- [Mumford et al., 2009](#) – Mumford, M.D., Zaccaro, S.J., Harding, F.D., Jacobs, T.O., Fleishman, E.A. (2009). Leadership skills for a changing world: solving complex social problems. *Leadership Quarterly*. 11(1): 11-35.
- [Quinn, 1988](#) – Quinn, E. (1988). Beyond Rational Management: Mastering the Paradoxes and Competing Demands of High Performance. San Francisco: CA: Jossey-Bass Inc.
- [Rouleau, 2015](#) – Rouleau, V. (2015). La flexibilité du leadership et ses relations avec la présence attentive et les facteurs de personnalité conscience et ouverture. Mémoire de la these de de la maîtrise en sciences de la gestion. Montréal.
- [Sventsitsky, 2019](#) – Sventsitsky, A.L. (2019). Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational psychology]. M.: Yurayt, 504 p. [in Russian]
- [Yukl, Mahsud, 2010](#) – Yukl, G., Mahsud, R. (2010). Why flexible and adaptive leadership is essential. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 62(2): 81-93.

Zankovsky, 2002 – Zankovsky, A.N. (2002). Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational psychology]. M.: Flinta, 521 p. [in Russian]

Современная динамика категориального поля организационной психологии

Елена Александровна Володарская ^{а, *}

^а Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема динамики предметного поля организационной психологии как самостоятельной науки. Делается акцент на межпредметном, междисциплинарном характере категориального ядра этой молодой науки. Обосновывается необходимость использования интегративного подхода к анализу психологических феноменов, входящих как в проблемную сферу организационной психологии, так и смежных социо-гуманитарных дисциплин.

Отмечается, что прикладной характер организационной психологии вновь поднимает вопрос о предмете и задачах этой области знания, исходя из междисциплинарного характера исследовательского предмета, а, также в связи с динамизмом и изменчивостью видов организаций, разнообразие которых влияет на поведение работника в организации, его психические признаки личности профессионала.

В качестве примера рассмотрения традиционных феноменов на новом уровне организационных изменений приводится феномен отзывчивости личности, переносимый на организационное поведение лидера. Приводятся подходы к анализу данного явления в контексте управления организацией, в частности, на основе выделения личностных черт лидера и его ценностей управления.

Выделяются новые задачи в преподавании организационной психологии с целью развития у молодых поколений целостного организационно-психологического взгляда на проблемы функционирования целостного субъекта профессиональной группы (организации) с акцентом на решение вопросов организационного поведения работника в контексте его профессиональной деятельности с опорой на уникальные возможности организационной психологии.

Ключевые слова: организационная психология, методологическая рефлексия, предметное поле науки, отзывчивость.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: eavolod@gmail.com (Е.А. Володарская)